A.20
6/83

A215 b/83

РИМЪ

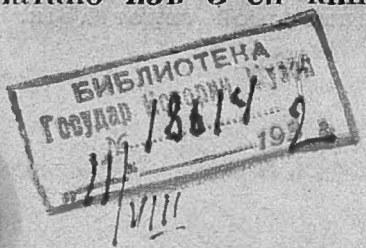
Графа С. С. Уварова.

=

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1853.

ЦЕРКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

(Перепечатано изъ 3-ей книги Пропилеевъ).



РИМЪ*.

.... Che sola a se stessa somiglia....
Petrarca.

Чего не писано о Римѣ, и однакожъ въ какой книгѣ начертанъ вполнѣ его образъ? Впечатлѣнія всегда выносили изъ него болѣе или менѣе личныя; они во многомъ зависятъ отъ предубѣжденій наблюдателя и отъ избранной имъ точки зрѣнія. Римъ какъ неподвижный берегъ: мимо него несутся волны; онъ все неизмѣненъ, только онѣ смѣняютъ другъ друга.

Есть два способа видѣть Римъ и Италію: надобно посвятить имъ большую часть своей жизни и съ любовію изучать ихъ во всѣхъ подробностяхъ, или же удовольствоваться общимъ ихъ видомъ, схваченнымъ на лету. Кому пришлось ограничиться послѣднимъ способомъ, тотъ долженъ также ограничиться выводомъ болѣе или менѣе точнымъ изъ общаго впечатлѣнія; можетъ быть, этотъ поспѣшный взглядъ, этотъ взоръ, напряженный и страстный, обращенный на Италію и особенно на Римъ, представляетъ въ окончательномъ результатѣ болѣе живости и вѣрности, чѣмъ долгое и копотливое изученіе, часто теряющееся въ мелочахъ. Я не знаю ничего безплоднѣе утонченныхъ разысканій антикваріевъ о томъ или другомъ темномъ мѣстѣ изъ римской топографіи; къ чему поведетъ названіе зданія, опредѣленіе разрушенной дороги, отъ надгробнаго памятника отбитый камень, когда ускользаетъ мысль, лежащая въ цѣломъ, когда не осязается многообразная сложность всего состава, когда деревья, по выраженію нѣмецкаго поэта, мѣшаютъ видѣть лѣсъ?

Одна превосходная страница въ письмѣ Шатобріана къ Фонтану очаровательно передаетъ впечатлѣніе римской Кампаньи; только я желалъ бы устранить изъ нея запустѣніе Тира и Вавилона. По моему, римская Кампанья не предана запустѣнію, она только не воздѣ-

---

* Изъ Etudes de Philologie et de Critique par M. Uvaroff, Président de l'Académie imperiale des sciences etc. etc. 2-ème édition. Paris. 1845. Переводъ сдѣланъ А. К. Ивановымъ. *Ред.*

лана и безмолвна; это земля, уставшая отъ производительности и отдыхающая,—самая приличная рама для картины Рима, строгій и мирный саркофагъ для великаго трупа города, который не умретъ.

Шатобріанъ съ восхищеніемъ говоритъ о красотѣ линій римскаго небосклона, о чудномъ блескѣ атмосферы; весьма справедливо замѣчаетъ онъ, что тѣни никогда не бываютъ тамъ тяжелы и черны. Въ самомъ дѣлѣ, воздушное очарованіе, облекающее городъ и окрестности, въ какой бы часъ дня на нихъ ни смотрѣть, есть явленіе, превосходящее всѣ усилія кисти или пера; не знаю ни одной картины и ни одной страницы, гдѣ былъ бы переданъ этотъ эффектъ. Скажу одно, что при римскихъ художникахъ остается все таки неотъемлемое преимущество, что они понимаютъ свѣтъ и тѣнь своей родины гораздо вѣрнѣе, чѣмъ другіе. Такъ точно иногда въ небрежныхъ выраженіяхъ римскаго простолюдина случается встрѣтить болѣе живую оцѣнку окружающихъ васъ памятниковъ, чѣмъ въ изысканныхъ, со всѣмъ тщаніемъ выработанныхъ описаніяхъ нашихъ путешественниковъ.

Всѣ единогласно говорятъ о печали, лежащей на Римѣ; не знаю, радость ли, ощущенная мною при вступленіи въ него, обманула меня, но Римъ не показался мнѣ печальнымъ. Когда я послѣ проходилъ по via Appia до памятника Цециліи Метеллы; или когда въ другой разъ по via Numentana я пришелъ на Нарсесовъ мостъ чрезъ Аніо и взглянулъ, при заходѣ солнца, съ высоты священной горы на римскую равнину: всѣ чувства мои были затронуты, но это было такое состояніе, что я не въ силахъ описать его; во всякомъ случаѣ, обиходное слово печаль плохо выразитъ упоительное ощущеніе спокойствія и внутренняго наслажденія, порождаемое этою великолѣпною картиной.

Нѣтъ ничего непріятнѣе и сбивчивѣе, какъ заученыя обычныя фразы объ Италіи. Если послушать большую часть путешественниковъ, можно представить себѣ Италію какимъ-то пѣвучимъ островомъ, землею изобилія, гдѣ безпечное и легкомысленное населеніе утопаетъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ. По привычкѣ смотрятъ на Итальянцевъ, какъ на изнѣженное племя, какъ на цѣлый народъ скомороховъ, выплясывающій тарантеллу и напѣвающій аріи Россини. Это совершенно ложно,—все измѣнилось въ Италіи. Теперешніе Итальянцы начинаютъ даже не походить на Итальянцевъ Гёте, самаго вѣрнаго живописца этой прекрасной страны. Италія Казановы, живая, вѣтреная, смѣющаяся, умерла, какъ черныя и красныя одежды на картинахъ Каналетто. Въ настоящее время Итальянецъ

серьозенъ, задумчивъ, почти печаленъ; Италія — страна порядка, размышленія, внутренней жизни; страна, занятая разгадываніемъ довольно темной загадки своихъ историческихъ судебъ. Этимъ чувствомъ запечатлѣно духовное настроеніе высшихъ классовъ, а равно и физіономія классовъ среднихъ и простонародья. Римское племя все еще самое итальянское изъ всѣхъ; посмотрите на римскаго *fachino* съ прекрасными агатовыми волосами, блестящими на солнцѣ, съ темнымъ оттѣнкомъ въ цвѣтѣ лица, но безъ красноты и смуглоты, съ смышленымъ взоромъ, съ мускулистымъ сложеніемъ и легкою таліею, посмотрите на него, когда онъ съ художническимъ инстинктомъ набрасываетъ себѣ на плечо бархатную куртку: всѣ черты его выражаютъ тогда и гордость и мягкость, совсѣмъ не совмѣстныя съ понятіемъ о простолюдинѣ. Въ высшемъ сословіи, не говоря о высшемъ духовенствѣ, нѣкоторыя лица, и я могъ бы назвать ихъ, прилежно и успѣшно занимаются науками и литературою; только непремѣнно во всѣхъ литературныхъ трудахъ проглядываетъ у нихъ непритворность, сопутствующая и всѣмъ дѣйствіямъ ихъ жизни. Если они предаются изученію любимаго предмета, то всегда безъ тщеславія, а съ единственною цѣлію личнаго образованія. Пренебрегая шумною популярностью, не поддаваясь господству журналисма, тиранна Европы, они никогда не расчитываютъ на мнѣніе. Не безъ усилія удается открыть, сколько высокаго образованія и развитой цивилизаціи заключено въ такой простотѣ пріемовъ и понятій.

Отъ этихъ слегка выраженныхъ общихъ замѣчаній если мы перейдемъ къ Риму въ частности, насъ встрѣтятъ невѣрности еще болѣе разительныя. Общепринятыя мнѣнія опровергаются на каждомъ шагу. Такъ церковь Св. Петра толпою путешественниковъ восхваляется или порицается по печатнымъ книгамъ, а она далеко не изучена съ настоящей точки зрѣнія. Все переговорено о несвязности въ планѣ, о плохомъ вкусѣ Мадерны и Бернини, о недостаткѣ въ цѣломъ и проч., и проч., но такія критики говорятъ очень мало. Горе тому, кто судить будетъ объ этомъ чудѣ безъ глубокаго разумѣнія и искусства и Италіи! Во первыхъ, смотря только съ художественной стороны, кто въ состояніи не замѣтить, что недостатки въ подробностяхъ поглощаются великолѣпіемъ цѣлаго? Нѣтъ сомнѣнія, витые столбы балдахина, композиція каѳедры — странны и не принадлежатъ ни одному ордену; статуи Бернини и его учениковъ страдаютъ манерностію стиля неправильнаго и причудливаго; есть памятники и вовсе посредственные. Но остановитесь въ срединѣ

этого созданія архитектуры, я готовъ былъ сказать, на завязкѣ поэмы, потому что храмъ Св. Петра великая поэма, и вы увидите, что эти ошибки и смѣлости въ сущности возвышаютъ блескъ цѣлаго. Ни одинъ художническій глазъ не дерзнетъ пожелать чего-либо другаго на мѣсто того, что̀ есть. Цѣнить Св. Петра по правиламъ Витрувія то же, что осуждать Аріоста по учебнику реторики. Кто смотритъ на предметы съ большей высоты и глазомъ болѣе проницательнымъ, для того эта чудная базилика выказываетъ самымъ ощутительнымъ образомъ переворотъ въ католической идеѣ XVI вѣка. Стиль церковной архитектуры въ Италіи разнообразится до безконечности; она приняла всѣ стили и жила собственною жизнію еще до уставленныхъ правилъ; она понесла на себѣ и выказываетъ всѣ измѣненія одной великой мысли, которую она представляетъ на разныхъ степеняхъ ея постепеннаго развитія. Картезіанскій монастырь въ Павіи, соборъ Миланскій, Пизанскій, Св. Зенонъ Веронскій, Св. Петроній Болонскій, Св. Маркъ Венеціанскій, — всѣ, очевидно, принадлежатъ къ эпохамъ, когда художникъ созидалъ зданіе, какъ поэтъ слагалъ поэму; то было время, когда искусство еще не знало границъ, и фантазія художника играла правилами, или не знала ихъ. Пусть говорятъ, что названныя нами зданія не примыкаютъ ни къ какому стилю, или, лучше, у каждаго изъ нихъ свой особенный стиль; этотъ періодъ въ архитектурѣ, который мы можемъ обозначить именемъ Данта, безспорно, выражаетъ религіозную и политическую идею времени. Что можетъ быть прекраснѣе, величественнѣе, религіознѣе Картезіанскаго монастыря? очаровательнѣе внутренности Миланскаго собора? строго-величавѣе соборовъ Пизанскаго и Флорентинскаго или блистательнѣе и смѣлѣе Св. Марка? Никогда религіозное чувство не возносилось до такой высоты; никогда политическое могущество не высказывалось съ такою энергіею, никогда также вѣра Западной Церкви не уставлялась такъ повелительно, не была столько жизненна и такъ торжественна, какъ въ ту эпоху, когда воздвигались эти зданія. Послѣ промежуточнаго періода, а его слѣды можно обозначить шагъ за шагомъ, вгнѣздился въ умы, подъ многоразличными формами, духъ сомнѣнія; тогда религіозная идея, подкопанная реформою, потеряла свою власть надъ умами, и искусство, вслѣдствіе противнаго исхода, лишилось своей свободы. Никогда не вступаешь въ храмъ Св. Петра безъ мысли о Лютерѣ: его тѣнь, кажется, блуждаетъ подъ портиками Льва X. Храмъ Св. Петра есть какъ-бы мировая сдѣлка религіозная и мировая сдѣлка художническая. Исчезла живая и горячая вѣра,

колебалась строгость догмата, отъ всѣхъ сторонъ стремились умы съ шумными кликами къ неизвѣстному; надобно было ладить съ этимъ движеніемъ, идти на помощь ослабѣвающей вѣрѣ, окружить ее всѣми обаяніями, всѣмъ мірскимъ великолѣпіемъ искусства. И вотъ соборъ Св. Петра быстро охватываетъ и увлекаетъ воображеніе, какъ поэтъ Феррары, между тѣмъ какъ Картезіанскій монастырь Павіи поражаетъ испугомъ и дѣйствуетъ на сердце, какъ пѣснь Данта. Всему свое время; оба зданія рельефно выставляютъ господствующую мысль соотвѣтственныхъ имъ эпохъ. XVI вѣкъ, безразсудный и блестящій, религіозный и скептическій, революціонный и охранительный, весь кажется воплощеннымъ, съ самымъ рѣдкимъ смысломъ, въ твореніяхъ Микель-Анджело, Браманте и Бернини.

Если что возбуждаетъ вниманіе въ Римѣ, такъ это неоцѣнимыя услуги, оказанныя папствомъ искусству. Изъ двухъ Римовъ, рядомъ лежащихъ и, можно думать, равно умершихъ, великій папскій Римъ среднихъ вѣковъ ровняется смѣло съ Римомъ древнимъ. Очевидно, что папы спасли для насъ все, что̀ мы еще видимъ отъ древняго міра; въ Ватиканѣ открыли они ему убѣжище; и, точно, ничто не можетъ сравняться съ впечатлѣніемъ, какое производитъ этотъ обширный дворецъ до половины запустѣлый. Отъ восхитительнаго внутренняго портика (Cortile), воздвигнутаго по рисункамъ Рафаэля; отъ сторожей его, еще одѣтыхъ въ костюмы Микель-Анджело,—до блестящихъ галерей, населенныхъ необозримою толпою образцовыхъ твореній, все носитъ печать минувшаго величія и восторженной любви къ родинѣ и искусствамъ; и когда, наконецъ, Пій VI и Пій VII не оставили ни одного пустаго мѣста въ предѣлахъ Ватикана, тогда Григорій XVI, не смотря на затрудненія настоящаго времени, превращаетъ дворецъ Св. Іоанна Латеранскаго въ новый музей и возрождаетъ изъ пепла базилику Св. Павла. Я имѣлъ счастіе слышать, какъ въ немногихъ простыхъ, но сильныхъ словахъ говорилъ достопочтенный первосвященникъ о наслѣдственной обязанности, какъ бы возложенной на папскій престолъ, быть послѣднимъ хранителемъ послѣдней славы Рима.

Изъ всѣхъ наслажденій, какія представляетъ Римъ для друга искусствъ, по моему, самое живое и неожидаемое, это—посѣщеніе Ватикана при свѣтѣ факеловъ. Такая ночь, проведенная въ кругу древняго міра, *nox Vaticana*, не слишкомъ дорого куплена годами усилій и лишеній. Уже при самомъ приближеніи ко дворцу обнимаетъ душу торжественное настроеніе: надъ нашими головами темная лазурь итальянскаго неба и живое отраженіе звѣздъ, какъ на куполѣ

Св. Петра, такъ и въ чудныхъ фонтанахъ, что̀ уже цѣлые вѣка стремятся вверхъ и ниспадаютъ съ шумомъ; внизу, при входѣ въ портикъ, папскіе швейцары, которыхъ можно скорѣе назвать Микель-Анджеловскими, принимаютъ иноземнаго посѣтителя съ факелами въ рукахъ и ведутъ его въ галереи; тамъ — отборный цвѣтъ древняго міра, какъ-будто вызванный среди мрака и принужденный предстать предъ страстные взоры нежданнаго незнакомца: все собща производитъ сильное, необъяснимое впечатлѣніе, близкое къ умиленію. Мраморъ во-сто-кратъ прекраснѣе, обольщеніе живѣе, эффектъ увлекательнѣе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ; мысль вся переносится на это волшебное видѣніе; ничто ея не смущаетъ, развѣ только слышится слабое журчаніе прелестнаго бельведерскаго фонтана, да какъ будто нечаянно проскользнетъ промежъ портиковъ мѣсячный лучь за своею долей на этомъ ночномъ празднествѣ. Почти ни одного слова не было проронено между мною и тремя моими спутниками во все это медленное шествіе по Ватикану; въ самомъ дѣлѣ, ощущаешь какъ бы опасеніе, чтобы не возмутить невыразимой прелести всего окружающаго. Удивительное искусство въ расположеніи факеловъ, удачно расчитанное освѣщеніе ими и возможность разнообразить точку зрѣнія по желанію — придаютъ статуямъ степень одушевленія, недоступную описанію; онѣ кажутся какъ-будто разбуженными среди ихъ сна, и не знаю, какая-то стыдливость повидимому облекаетъ эти формы, разоблаченныя въ самыхъ сокровенныхъ своихъ изгибахъ. Не одно художническое чувство воскресаетъ съ неожиданною силою, воскресаютъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ впечатлѣнія жизни, всѣ думы зрѣлаго возраста, всѣ мимолетныя мечты юности; среди этой волшебной толпы, воображеніе, нѣжно возбужденное, созерцаетъ какъ будто во снѣ прозрачныя черты, непредѣленные образы любимѣйшихъ предметовъ, таинственные отголоски самыхъ дорогихъ впечатлѣній сердца; невольно наполняются глаза слезами, и никто не выходилъ изъ этой ограды, не благословляя судьбы за то, что она приберегла — для избранныхъ умовъ — несравненную ни съ чѣмъ радость, какъ будто въ полное вознагражденіе за всю усталь долгаго странствованія, можетъ быть даже за нѣкоторую частъ обманутыхъ надеждъ въ протекшей жизни.

Въ продолженіе этого ночнаго посѣщенія Ватикана, особенное вниманіе наше привлекали по-очередно: Фавнъ съ маленькимъ Бахусомъ въ рукахъ, Стыдливость, Демосѳенъ, Нилъ, Дискоболъ, Венера присѣвшая, Мелеагръ, колосальный Юпитеръ, бюстъ Юпи-

тера и бюстъ Августа въ молодости, наконецъ во главѣ всего Аполлонъ и Лаокоонъ, эти два изваянія по преимуществу. На другой день утромъ я прежде всего поспѣшилъ въ Ватиканъ: все было прекрасно, блестяще, великолѣпно; но то не было уже ночное волшебство, благоговѣйное вызываніе, какъ въ предшествовавшій вечеръ.

Единственное зрѣлище, издалека приближающееся къ описанному, это—видъ Колизея при лунномъ свѣтѣ. Вообще, и никто не понималъ того лучше древнихъ, памятники зодчества, ваянія и даже живописи изумительно сколько выигрываютъ, если смотрѣть на нихъ ночью. Тогда естественное или искусственное освѣщеніе придаетъ особенно зданіямъ единственный характеръ величія. Въ этомъ можно увѣриться, отправившись ночью къ храму Св. Петра или къ Колизею. Колизей, при дневномъ свѣтѣ, трудно возсоздать себѣ въ мысли, но онъ гармонируетъ съ темнотою и чудно освѣщается лучами итальянской луны, которую аббатъ Галіани весьма основательно предпочитаетъ солнцу сѣверныхъ странъ. Тогда, въ самой срединѣ арены образуется какъ бы безмѣрный очагъ блеска, онъ постепенно ослабѣваетъ, проходя сквозь своды и повалившіяся галереи, а прозрачные пары, скрадывая послѣдніе планы, производятъ самый чарующій эффектъ. То же явленіе и съ фасадомъ Св. Петра: при лунномъ свѣтѣ онъ, кажется, растетъ и принимаетъ характеръ покойный и величественный, тогда какъ среди дня непріятно поражаютъ не совсѣмъ согласныя и тревожныя его формы. Величественная колоннада становится еще величественнѣе, когда луна выкраиваетъ и обрисовываетъ ея дивныя красоты.

Но я замѣчаю, что, говоря о Ватиканѣ, я упомянулъ только о музеѣ статуй: картинный музей не менѣе удивителенъ; въ немъ только до шестидесяти картинъ, но тридцать изъ нихъ образцовыя творенія, а четыре или пять чудеса искусства. Во главѣ всѣхъ блистаетъ Преображеніе, образцовое произведеніе Рафаэля, творца только образцовыхъ произведеній; его Св. Дѣва Фолиньо и Доминикиново знаменитое Причащеніе Св. Іеронима красуются въ той же залѣ. Рафаэль имѣетъ право на спеціальное изученіе, а изучать его можно только въ предѣлахъ отъ Флоренціи до Рима. Напрасно пытались распредѣлить его жизнь, какъ художника, на три преемственныя манеры; тщетныя хлопоты: у Рафаэля было не три только манеры, у него ихъ было тридцать, у него были всѣ. Онъ и рисовщикъ въ такой степени, какимъ не былъ никто, ни даже Леонардо да Винчи, единственный опасный въ этомъ соперникъ его славѣ; онъ и колористъ столько же, сколько Тиціанъ, но колористъ

вѣрный, безъ желанія ослѣплять, безъ изысканности; онъ возвышенный композиторъ въ ватиканскихъ фрескахъ; потомъ вдругъ и живописецъ обиходныхъ житейскихъ предметовъ, живописецъ тщательно отдѣлывающій мелочи, отличающійся щеголеватою оконченностію: свидѣтельство на то въ чудномъ *Suonatore di violino* во дворцѣ Sciarra Colonna, гдѣ мѣху и бархату позавидовалъ бы не одинъ Фламандецъ, а голова затмѣваетъ все, что только произвелъ отличнѣйшаго Веласкезъ. Рафаэль обнялъ всѣ части искусства.

Однѣ ватиканскія фрески стоятъ сами по себѣ путешествія въ Римъ. Надобно спѣшить разсмотрѣніемъ ихъ, пока время не совсѣмъ изгладило ихъ слѣды; разрушительное дѣйствіе его слишкомъ замѣтно: такъ превосходнѣйшая изъ нихъ, Аѳинская Школа, уже совсѣмъ погибаетъ; скорѣе угадываешь, чѣмъ видишь эффектъ цѣлаго; очертанія неопредѣленны и ускользаютъ въ глазахъ, а краски съ каждымъ днемъ пропадаютъ болѣе и болѣе. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ она все еще прекраснѣйшая въ мірѣ фреска, — послѣднее слово этого рода живописи, какъ Преображеніе послѣднее слово живописи масляными красками. Чтобы убѣдиться, до какой высокой степени достигъ Рафаэль, какъ колористъ, достаточно видѣть въ тѣхъ же самыхъ залахъ Освобожденіе Св. Петра, Совѣщаніе о Святомъ Причащеніи и Св. Льва, идущаго на встрѣчу Аттилѣ, три фрески, сохранившіяся лучше другихъ. Когда помышляешь, что Рафаэлевы фрески пропадаютъ, что Тайная Вечеря Леонардо да Винчи въ Миланѣ существуетъ какъ призракъ, готовый лѣтъ черезъ двадцать исчезнуть, что Страшный Судъ въ Сикстовой капеллѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чернѣетъ, что въ большей части итальянскихъ церквей картины великихъ мастеровъ быстро уничтожаются отъ небреженія: тогда съ горестію предвидишь, что уже близко то время, когда и о новой живописи, столь великой, останется только письменное преданіе, и когда Рафаэль, Микель Анджело и Леонардо станутъ въ уровень съ Паррасіемъ и Апеллесомъ, которыхъ тщетно вызываютъ ученые, и которыхъ память сохраняется въ двухъ трехъ эпиграммахъ и немногихъ мѣстахъ Плинія. Рафаэлевы фрески въ наружной галереѣ, прелестный эпизодъ изъ его прелестной зодческой поэмы, довершаютъ грандіозную идею художественнаго генія въ высшемъ его выраженіи. Точно также, по выходѣ изъ Сикстовой капеллы, надобно спѣшить въ церковь Св. Петра in Vincoli, чтобы созерцать Микель-Анджелова Моисея, лучшее произведеніе изъ мрамора въ новѣйшемъ ваяніи. Повсюду въ Римѣ чувствуешь потребность схва-

тывать на лету каждый день, *carpere diem*, по выраженію Горація; ко всему примѣшивается невольный страхъ, смутное опасеніе за будущность.

Изо всѣхъ частныхъ галерей въ Римѣ самая блестящая, безспорно, галерея Боргезе, какъ и дворецъ Боргезе самое великолѣпное изъ жилищъ; она одна, по крайней мѣрѣ въ этомъ родѣ, не смотритъ осиротѣло, и одна обличаетъ на каждомъ шагу присутствіе домохозяевъ. Я не намѣренъ перечислять всѣ сокровища этого собранія, гдѣ находится одинъ первостепенный Рафаэль и чудный Тиціанъ; спѣшу сказать нѣсколько словъ о знаменитой виллѣ Боргезе: это любимое гулянье, Елисейскія Поля Римлянъ, одно изъ тѣхъ огромныхъ владѣній, какія скопляло римское дворянство во времена своего могущества. Народное гулянье въ виллѣ Боргезе, въ первыхъ числахъ Октября, живо напечатлѣно въ моемъ воспоминаніи. Въ этотъ день князь Боргезе зоветъ римскій народъ къ себѣ на праздникъ, и римскій народъ занимаетъ едва треть садовъ, окружающихъ виллу; тамъ дивишься вѣжливому обхожденію сколько хозяина съ гостями, столько же и гостей съ хозяиномъ. Вообразите, что отъ двадцати до тридцати тысячъ народу столпилось въ одномъ саду, гдѣ все такъ убрано, усыпано пескомъ, украшено дерномъ, обсажено деревьями; что всѣ эти тысячи тѣснятся на конныхъ ристаніяхъ, на представленіяхъ эквилибристовъ, на выставкахъ животныхъ: а князь Боргезе не пожалуется намъ, чтобы у него гдѣ-нибудь былъ сломанъ сучекъ на деревѣ или помятъ цвѣтокъ. Представьте себѣ, что этотъ народъ, трудно рѣшиться назвать его чернью или даже простонародіемъ, что почти весь онъ состоитъ изъ красивыхъ мущинъ, опрятно одѣтыхъ, съ быстрымъ и смышленымъ взоромъ; здѣсь сильные Транстиберинцы и ихъ жены, смугловатыя, съ черными глазами: всѣ веселятся, всѣ тѣшатся, какъ бы по наслѣдственному инстинкту, тѣми же зрѣлищами, которыя такъ любили ихъ предки. Въ этотъ день не бываетъ никакого безпорядка, потому что въ этотъ день каждый изъ народа въ той мысли, что онъ особенно, самъ по себѣ, приглашенъ княземъ Боргезе; такое общее убѣжденіе угадываешь по гордости, съ какою тогда держитъ себя римскій житель, по крайней вѣжливости въ его обхожденіи, по ловкости, съ какою, какъ будто плащь, накинута у него на плечо бархатная куртка, а лента въ его шляпѣ играетъ по вѣтру. Не забудьте при этомъ, что вооруженная сила вся состоитъ изъ пяти или шести жандармовъ, а когда, по окончаніи игръ, вы увидите, какъ народъ почтительны-

ми восклицаніями прощается съ хозяиномъ, привѣтливымъ и великодушнымъ, а потомъ разойдется въ порядкѣ и безъ шума, тогда вы почувствуете въ глубинѣ своего сердца, какъ человѣкъ, живую симпатію къ этому благородному племени; никакое униженіе, никакая нравственная чернота не могли исказить его, и оно все сохраняетъ нерушимый свой типъ — подобное монетамъ своимъ предковъ: и онѣ не поддались тренію, и подъ ржавчиною еще выказываютъ начальныя буквы Цезаря или профиль Марка Аврелія.

Много другихъ богатыхъ виллъ окружаетъ городъ; я назову одну, виллу *Doria Pamphili*; это угрюмая и гордая обитель: ей уже нѣтъ мѣста въ римской жизни, какова она теперь. Но какъ пройти молчаніемъ виллу *Albani*, пріютъ ученаго и вельможи, колыбель археологіи, гдѣ Винкельманъ произвелъ превосходнѣйшія изъ своихъ изслѣдованій, а Менгсъ украсилъ стѣны своими картинами? Вліяніе ученаго антикварія на ученаго кардинала и отношеніе альбанскаго музея къ основанію музеевъ въ Ватиканѣ представляютъ любопытную эпоху въ исторіи памятниковъ древности. Никогда обстоятельства столько не благопріятствовали собирателю, сколько кардиналу Александру; за то и собраніе его, отчасти перешедшее въ руки правительства, заключаетъ еще въ себѣ множество драгоцѣнностей, прекрасный базальтовый бюстъ Юпитера, нѣсколько отличныхъ статуй, вазы, прелестные треножники, объясненные Винкельманомъ. Распредѣленіе покоевъ, превосходный цѣлебный воздухъ, устройство сада во вкусѣ времени, все одно къ одному образуетъ изъ виллы Albani такое обиталище, какому невольно позавидуешь; никакая другая вилла кромѣ того не выставляетъ такъ тонко и оригинально общественнаго положенія римскаго кардиналата около средины прошедшаго столѣтія. Обходя дворецъ, и сады, я казалось видѣлъ самого кардинала, какъ онъ, окруженный своею свитою путешественниковъ, антикваріевъ и художниковъ, оперся, по домашнему, на плечо друга своего Винкельмана и съ жаромъ толкуетъ съ нимъ; такія одушевленныя бесѣды теперь были бы поучительны и учены, а тогда онѣ создавали новую науку. Всѣ лица вокругъ нихъ намъ знакомы, и воображеніе безъ большаго усилія рисуетъ картину, гдѣ, среди роскоши, раздольной и, пожалуй, не совсѣмъ умѣстной, князя церкви, раскрываются образованность ума, проницательность сужденій и страстная любовь къ искусствамъ, общая принадлежность всѣхъ обитателей виллы Albani; эта любовь, которую самъ владѣлецъ довелъ до оригинальнаго энтузіасма. Подъ старость онъ

ослѣпъ, но художественный тактъ его былъ столь изощренъ, что онъ ощупью опредѣлялъ характеръ и красоты статуи; часто видали его, расказывали мнѣ, какъ онъ проѣзжалъ въ большомъ своемъ экипажѣ, а съ боку у него торсо какой нибудь греческой статуи; какъ-то разъ, говорятъ, не могъ онъ довезти изъ Ватикана своего товарища по коллегіи только потому, что у него въ каретѣ помѣщался обломокъ Діаны Охотницы. И теперь, когда замеръ вкусъ къ искусствамъ, когда римская багряница охотно спускается на плеча средняго сословія, въ рядахъ котораго церковь всегда по преимуществу набиралась, и теперь, смотря на виллу Albani, подумаешь, что кардиналъ Александръ только что покинулъ свое роскошное жилье и отправился разыскивать слѣдъ новаго мрамора или разбирать новую надпись, до чего онъ страстный охотникъ. О виллѣ Albani приложено попеченія болѣе, чѣмъ о всѣхъ другихъ; она перешла по наслѣдству въ руки графа Кастельбарко, который, какъ можно судить, хорошо знаетъ обязанности, налагаемыя подобнымъ наслѣдствомъ.

Когда я пишу эти строки, предо мною стоитъ восхитительный трофей моего путешествія по Италіи, изящная овальная урна изъ дворца *Altemps*. При созерцаніи этого драгоцѣннаго памятника греческаго искусства, я охотно поддаюсь мысли, что Винкельманъ, говорящій о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, долженъ былъ видѣть его въ бесѣдѣ съ кардиналомъ Альбани, и что замѣчательные рельефы вокругъ него дали поводъ не къ одному тезису между этими двумя великими знатоками, имя которыхъ навсегда останется драгоцѣннымъ для друзей искусства и древности. А самъ художникъ, изваявшій нѣкогда это превосходное произведеніе, не могъ подозрѣвать, что сначала оно попадетъ въ руки какихъ-нибудь Римлянъ, достаточно ославленныхъ варварами, а потомъ, много вѣковъ спустя, ему придется украшать труженическій пріютъ ученыхъ занятій другаго варвара въ странѣ гиперборейской, которой самое имя было неизвѣстно Грекамъ. Удивительная судьба художественныхъ произведеній — переходить изъ страны въ страну, отъ поколѣнія къ поколѣнію, подобно тому какъ бѣгуны *(cursores)* Лукреція, пустившись разъ, передаютъ изъ рукъ въ руки зажженный факелъ. Въ этомъ смыслѣ особенно можно прибавить съ поэтомъ: *et vitai lampada tradunt*. Жизнь народа не состоитъ ли вполовину изъ искусства, вполовину изъ могущества политическаго? Когда недоставало одной изъ этихъ стихій, тогда общественная жизнь была неполна; если же народы не причастны ни той ни другой стихіи, то они не входятъ въ область исторіи.

Кромѣ этихъ несчетныхъ музеевъ, посвященныхъ искусствамъ, Римъ обладаетъ первокласными учрежденіями по части наукъ: ватиканская библіотека одна изъ прекраснѣйшихъ въ свѣтѣ по весьма значительному числу рукописей и по выбору книгъ, и прекраснѣе всѣхъ по великолѣпію отведеннаго ей помѣщенія. Не смотря на всѣ толки, она легко доступна для иностранцевъ, и привѣтливость хранителей ея равняется ихъ знаніямъ. Я видѣлъ отличный экземпляръ на веленевой бумагѣ Хименесова Полиглотта, поднесенный при посвященіи Льву X, Флорентинскаго Гомера, *princeps*, также на веленевой бумагѣ, чрезвычайно красивый; любовался на прелестныя рукописи, украшенныя миніатюрами дона Джуліо Кловіо, котораго Итальянцы называютъ Рафаэлемъ миніатюръ; съ ними можетъ сравняться только часословъ того же художника, видѣнный мною въ Неаполѣ, истинный перлъ. Послѣ книгъ и рукописей въ Ватиканѣ, которыя я обозрѣлъ бѣгло, боясь своей страсти къ библіографіи, всего любопытнѣе собраніе образцовъ старинной греко-итальянской церковной живописи; это неоцѣнимое сокровище. Для основательнаго изученія библіотеки и коллекцій Ватикана долгій рядъ годовъ былъ бы едва достаточенъ.

Коллегія Пропаганды, основанная Урбаномъ VIII, есть учрежденіе достойное уваженія всякаго религіознаго и мыслящаго человѣка, къ какому бы исповѣданію онъ ни принадлежалъ. Отдѣльно отъ высокаго назначенія распространять Евангеліе по всему лицу земли, нѣтъ сомнѣнія, что и со стороны только филологической никакое свѣтское заведеніе въ Европѣ не можетъ съ нимъ сравниться. Число учениковъ отъ ста до ста двадцати; ихъ содержатъ щедро и заботливо; здѣсь видишь Китайца подлѣ Ирландца, абиссинскаго отрока, почти чернаго, рядомъ съ бѣлокурымъ сыномъ Германіи. Начальники заведенія пригласили меня осмотрѣть его во всей подробности, начиная съ музея Borgia, богатаго рукописями арабскими, коптскими и сирійскими, и оканчивая дортуарами и внутренними покоями. Общій столъ этихъ юныхъ воспитанниковъ, собравшихся сюда отъ четырехъ вѣтровъ, имѣетъ въ себѣ что-то благоговѣйное и трогательное; мнѣ представляли ихъ поименно одного за другимъ; они принадлежатъ ко всѣмъ племенамъ земнаго шара, кромѣ славянскаго, представителями котораго были только двое или трое Болгаръ. Дисциплина заведенія показалась мнѣ отличною, и на всѣхъ лицахъ выражалось здоровье и довольство, невольно бросающіяся въ глаза.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Рима лежитъ множество город-

ковъ съ славными именами и мѣстечекъ живописныхъ и очаровательныхъ: Фраскати, Альбано и особенно Тиволи, древній Тибуръ, нѣкогда столь любезный музамъ. Для него надобно отдѣлить особенный день и провести его тамъ весь; поѣздка наша туда оставила во мнѣ пріятнѣйшія воспоминанія. До Тиволи равнина безплодна и однообразна; но едва достигнешь высотъ, ощущаешь въ душѣ особенное движеніе при мысли, что попираешь мѣсто, на которомъ отпечатлѣлся весь великій Августовъ вѣкъ. Прежде всего должно осмотрѣть громадныя работы, исполненныя въ нынѣшнее царствованіе для отведенія рѣки Аніо и предохраненія города Тиволи отъ неизбѣжнаго разрушенія. Трудъ гигантскій! Онъ ставитъ имя Григорія XVI наряду съ именами славнѣйшихъ его предшественниковъ. Изъ средины этихъ подземныхъ сводовъ видишь предъ собою, съ одной стороны, храмъ Весты и храмъ Сивиллы; съ другой, водопадъ, котораго пѣна, разбиваясь въ солнечныхъ лучахъ, играетъ тысячью призматическихъ цвѣтовъ. Потомъ, по обыкновенію предпринимается большая прогулка на ослѣ вокругъ водопадцевъ, вдоль противоположнаго берега на всемъ его протяженіи. Нѣтъ ничего прелестнѣе, какъ совокупный видъ водопада и окружающихъ его большихъ и меньшихъ каскадовъ, увѣнчанныхъ еще развалинами Меценатова дворца, хотя индустріализмъ, одна изъ глубокихъ ранъ современнаго общества, уже превратилъ его въ заводъ. По дорогѣ вамъ показываютъ развалины домовъ Катулла и Горація; но чтобы быть тронуту ими, надобно смотрѣть глазами поэзіи, потому что воображенію приходится возсоздавать то, чего не берется утверждать наука антикварія. Наконецъ, въ заключеніе этого восхитительнаго дня, подымаются въ виллу д'Есте, пышное созданіе кардинала Ипполита д'Есте, покровителя Аріоста, нѣкогда королевское жилище, покинутое, вѣкъ тому назадъ, моденскими герцогами и теперь въ состояніи совершеннаго забвенія, на что жаловался уже президентъ де-Броссъ. Передняя сторона дворца обсажена исполинскими кипарисами; часть ихъ порублена, а остальные еще образуютъ величавый подъѣздъ; самый дворецъ въ высокомъ стилѣ Браманте. Охотно рисуешь себѣ то время, когда въ этомъ дворцѣ и его садахъ жилъ еще кардиналъ Ипполитъ съ своимъ сластолюбивымъ дворомъ, слушалъ въ тѣни этихъ самыхъ кипарисовъ плѣнительныя фантазіи *Мессера Лодовико* и восхищался, по собственному признанію, только веселою ихъ стороною. Если вилла Albani напоминаетъ общественное положеніе князя церкви въ XVIII вѣкѣ, то вилла д'Есте служитъ мѣриломъ его могущества въ XVI. Нельзя осматривать эти развалины, — въ самомъ дѣлѣ,

дворецъ и сады ежеминутно готовы превратиться въ груду мусора— безъ неодолимаго чувства горести; невольно говоришь себѣ, что если бы вилла д'Есте, минуя рукъ моденскихъ герцоговъ, перешла въ наслѣдіе папскаго престола, жилище кардинала Ипполита сохранили бы съ тѣмъ же почтительнымъ попеченіемъ, какое всегда прилагаетъ римское правительство къ охраненію стараго, когда не созидаетъ новаго; заслуга, вся важность которой можетъ быть оцѣнена только въ Италіи. Это сожалѣніе ощущаешь въ виллѣ д'Есте, равно какъ и въ Фарнезинѣ: и та и другая рушатся въ развалины только потому, что ихъ не касается благотворная бдительность папской власти.

Нельзя не сказать, отеческое попеченіе, священный долгъ, наслѣдственно принимаемый на себя каждымъ римскимъ первосвященникомъ, беречь, и для себя, и для другихъ, *urbi et orbi*, сокровища искусства среди останковъ невозвратно исчезнувшаго міра, невыразимая красота неба, множество воспоминаній, на каждомъ шагу возникающихъ изъ самой земли, сладость жизни, наконецъ, животворное дуновеніе мира и терпимости, которое вдыхаетъ здѣсь чужеземецъ: — все это превращаетъ Римъ въ достояніе всей мыслящей вселенной и образуетъ изъ него отечество для тѣхъ, для кого уже свѣтъ отечество. Римъ есть мирное пристанище, всегда открытое и павшему величію и заблудившемуся уму, самымъ высокимъ и самымъ скромнымъ страданіямъ; въ немъ не забываютъ своихъ бѣдствій, но переносятъ ихъ съ большею твердостію; у печали есть свой стыдъ на этой землѣ, омоченной кровію и слезами. Тамъ, гдѣ перестрадало столько людей, гдѣ сгибло столько поколѣній, тамъ каждый сдерживаетъ свои чисто-личныя ощущенія. Человѣкъ мыслящій и впечатлительный, человѣкъ, приготовленный изученіемъ и наклонностями къ этому великому зрѣлищу, скоро отожествляется съ нимъ. Быть въ Римѣ — почетное воспоминаніе; удалиться изъ него безъ глубокаго сожалѣнія — невозможно. Хотя не оставляешь въ немъ страстной привязанности, хотя никакой и не выносишь изъ него, все же сердце сжимается, когда снова проѣзжаешь черезъ *porta del Popolo* уже въ обратный путь къ родному очагу. Въ эту послѣднюю минуту Римъ становится въ вашихъ глазахъ какъ бы нѣжно-любимымъ лицемъ: къ нему простираешь руки, а онъ, кажется, бросаетъ издали прощальный взглядъ чужеземному страннику, котораго принималъ въ свои стѣны и укрывалъ своею тѣнью.

Порѣчье, близъ Москвы, Августъ 1844.